

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

КНИГА ВТОРАЯ
Ночи 271–719

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.22
ББК 84(5Ирп)-44
Т 93

Перевод с арабского и примечания Михаила Салье

Иллюстрации Николая Ушина

Руководитель проекта Александр Лютиков

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрация на обложке Леона Карре

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

*Издательство выражает благодарность
Дмитрию Владимировичу Пархутину за помощь,
оказанную при подготовке настоящего издания.*

ISBN 978-5-389-17584-6

© М. А. Салье (наследник), перевод,
примечания, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

КНИГА
ТЫСЯЧИ
И ОДНОЙ
НОЧИ

РАССКАЗ О ХАТИМЕ АТ-ТАИ

что касается рассказов о великодушных, то они очень многочисленны и к ним принадлежит то, что рассказывают о великодушии Хатима ат-Таи.

Когда он умер, его похоронили на вершине горы, и у его могилы вырыли два каменных водоема и поставили каменные изображения девушек с распущенными волосами. А под этой горой была текущая река, и когда путники останавливались там, они всю ночь слышали крики, но наутро не находили никого, кроме каменных девушек. И когда остановился в этой долине, уйдя от своего племени, Зу-ль-Кура, царь химьяритов, он провел там ночь...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Зу-ль-Кура остановился в этой долине, он провел там ночь. И, приблизившись к тому месту, он услышал крики и спросил: «Что за вопли на вершине этой горы?» И ему сказали: «Тут могила Хатима ат-Таи, и над ней два каменных водоема и изображения девушек из камня, распустивших

волосы. Каждую ночь те, кто останавливается в этом месте, слышат эти вопли и крики».

И сказал Зу-ль-Кура, царь химьяритов, насмехаясь над Хатимом ат-Таи: «О Хатим, мы сегодня вечером твои гости, и животы у нас опали».

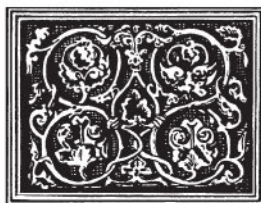
И сон одолел его, а затем он проснулся, испуганный, и крикнул: «О арабы, ко мне! Подойдите к моей верблюдице!» И, подойдя к нему, люди увидели, что его верблюдица бьется, и зарезали ее, зажарили и поели. А потом спросили царя, почему она пала, и он сказал: «Мои глаза смежились, и я увидел во сне Хатима ат-Таи, который подошел ко мне с мечом и сказал: «Ты пришел к нам, а у нас ничего не было!» И он ударил мою верблюдицу мечом, и, если бы мы не подоспели и не зарезали ее, она бы, наверное, околела».

А когда настало утро, Зу-ль-Кура сел на верблюдицу одного из своих людей, а его посадил позади себя. В полдень они увидели всадника, ехавшего на верблюдице и ведшего на руке другую. «Кто ты?» — спросили его. И он ответил: «Я Ади, сын Хатима ат-Таи. Где Зу-ль-Кура, эмир химьяритов?» — спросил он потом. И ему ответили: «Вот он».

И Ади сказал ему: «Садись на эту верблюдицу, твою верблюдицу зарезал для тебя мой отец». — «А откуда тебе известно это?» — спросил Зу-ль-Кура. «Мой отец явился ко мне сегодня ночью, когда я спал, — ответил Ади, — и сказал мне: «О Ади, Зу-ль-Кура, царь химьяритов, попросил у меня угощения, и я зарезал для него его верблюдицу; догони же его с верблюдицей, на которую он сядет, — у меня ничего не было».

И Зу-ль-Кура взял ее и удивился, сколь великодушен был Хатим ат-Таи, живой и мертвый.

К числу рассказов о великодушных относится также рассказ о Мане ибн Заида.

РАССКАЗ О МАНЕ ИБН ЗАИДЕ

один из дней Ман ибн Заида был на охоте и захотел пить, но не нашел у своих слуг воды. И когда это было так, вдруг подошли к нему три девушки, которые несли три бурдюка с водой...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что к нему подошли три девушки с тремя бурдюками воды, и Ман попросил у них напиться, и они напоили его. И он приказал, чтобы слуги принесли девушкам подарки, но у них не нашлось денег, и тогда он дал каждой девушке по десять стрел из своего колчана, наконечники которых были из золота.

И одна девушка сказала своей подруге: «Послушай, только Ман ибн Заида способен на такое. Пусть каждая из нас скажет стихи в похвалу ему».

И первая девушка сказала:

«Приделал концы из золота он к стрелам,
И бьет врагов он, щедрый, благородный.

Больным от ран несут они леченье
И саваны для тех, кто лег в могилу».

А вторая сказала:

«О воюющий! От щедрот великих руки его
Своей милостью и врагов объял и любимых он,
Были отлиты концы стрел его из золота,
Чтоб сражения не могли его доброты лишить».

И третья сказала:

«От щедрости он разит врагов своих стрелами,
С концами из золота чистейшего литыми,
Чтоб мог на лекарство их истратить пораненный
И саван купить могли б стрелой той убитому».

И говорят, что Ман ибн Заида выехал со своими людьми на охоту и к ним приблизилась стая газелей. И охотники рассеялись, преследуя их, и Ман отделился от своих спутников в погоне за газеленком. Настигнув его, он спешился и прирезал газеленка, и увидел вдруг какого-то человека, который ехал из пустыни на осле. И Ман сел на своего коня и поехал навстречу этому человеку, и приветствовал его и спросил: «Откуда ты?» И человек ответил: «Я из земли Кудаа. Уже несколько лет там неурожай, но в этом году собрали кое-что. И я посеял огурцы, и они уродились не в срок, и я собрал огурцы, которые считал наилучшими, и отправился к эмиру Ману ибн Заиду, зная его щедрость и милость, о которой повествуют повсюду». — «Сколько ты надеялся получить от него?» — спросил Ман. И человек ответил: «Тысячу динаров». — «А если он скажет тебе: это много?» — спросил Ман. «Пятьсот динаров», — ответил человек. «А если он скажет: много?» — спросил Ман. «Триста динаров», — ответил человек. «А если он скажет: много?» — продолжал Ман. «Двести динаров», — сказал человек. «А если он скажет: много?» — спросил Ман. И человек ответил: «Сто динаров». — «А если он скажет: много?» — молвил Ман. И человек ответил: «Пятьдесят динаров». — «А если он скажет: много?» — спросил Ман. И человек ответил: «Тридцать динаров». — «А если он скажет: много?» — спросил Ман. «Тогда я поставлю моего осла в его гарем и вернусь к своей семье обманувшийся, с пустыми руками!» — ответил человек.

И Ман засмеялся и, погнав коня, настиг своих воинов, а спешившись около своего жилища, он сказал привратнику: «Когда к тебе подъедет на осле человек с огурцами, введи его ко мне». И через час подъехал этот человек, и привратник разрешил ему войти. Войдя к эмиру Ману, этот человек не узнал, что это тот, кого он встретил в пустыне, из-за его величавого и благородного вида и большого ко-

личества слуг и челяди (Ман сидел на престоле своей власти, и его слуги стояли справа от него и слева и впереди его).

И когда этот человек приветствовал эмира, тот сказал ему: «Что привело тебя, о брат арабов?» И человек молвил: «Я надеялся на эмира и принес ему огурцы, когда им не время». — «Сколько ты рассчитывал получить от нас?» — спросил Ман. «Тысячу динаров», — ответил человек. И Ман сказал: «Это много!» — «Пятьсот динаров!» — сказал человек. И Ман ответил: «Много!» — «Триста динаров», — сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» — «Двести динаров!» — сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» — «Сто динаров!» — сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» — «Пятьдесят динаров!» — сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» — «Тридцать динаров!» — сказал человек. И Ман отвечал: «Много!»

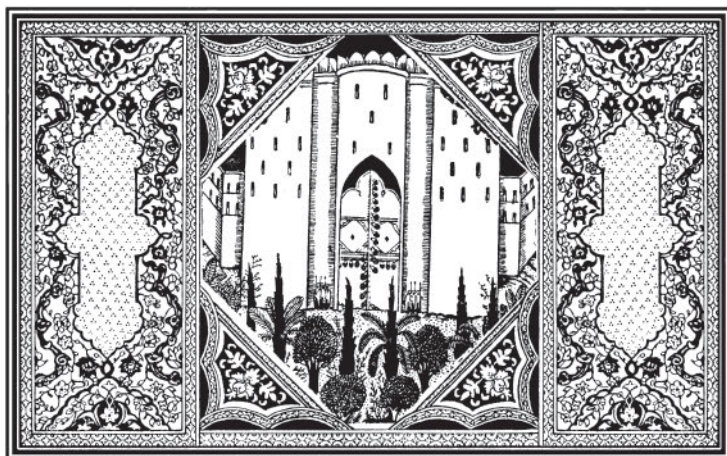
И тогда прибывший воскликнул:

«Клянусь Аллахом, тот человек, который меня встретил в пустыне, был злосчастным! Но не дашь же ты мне меньше чем тридцать динаров?» И Ман засмеялся и промолчал, и тогда араб понял, что это — тот человек, который ему встретился в пустыне, и сказал: «О господин, если ты не велишь принести тридцать динаров, то вон осел привязан у ворот, а вот сидит Ман!»

И Ман так рассмеялся, что упал навзничь, а потом он позвал своего поверенного и сказал: «Дай ему тысячу динаров и пятьсот динаров и триста динаров и двести динаров и сто динаров и пятьдесят динаров и тридцать динаров, и пусть осел останется привязанным на том же месте!»

И араб был ошеломлен, и он получил две тысячи сто динаров и восемьдесят динаров, и да будет милость Аллаха над ними всеми!

РАССКАЗ О ГОРОДЕ ЛАБТАЙТЕ

дошло до меня, о счастливый царь, что был город, называемый Лабтайт, и это была обитель власти румов, и находился там дворец, постоянно запертый. И всякий раз, как у румов умирал царь и вступал вместо него другой царь, он приделывал ко дворцу крепкий замок. Так на воротах дворца оказалось двадцать четыре замка — от каждого царя по замку.

А после этого во дворце воцарился человек не из царской семьи. И захотел он отпереть эти замки, чтобы посмотреть, что во дворце. И вельможи царства стали удерживать его от этого и порицали его и бранили, но он не захотел подчиниться им и воскликнул: «Отпереть этот дворец неизбежно!» И они пожертвовали ему все, что было у них из драгоценностей и сокровищ, чтобы он не отпирал дворца, но царь не отказался...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что жители царства пожертвовали этому царю все, какие были у них, деньги и сокровища, только бы он не отпирал того дворца, но царь не отказался от намерения отпереть его и, сняв замки, открыл ворота. И он нашел во дворце изображе-

ния арабов на конях и верблюдах, и были на них свисающие тюрбаны, и опоясаны они были мечами и держали в руках длинные копья. Царь нашел во дворце также книгу, и он взял эту книгу, и стал читать, и увидел, что в ней написано: «Когда отпрут эти ворота, одолеет страну племя арабов, обликом подобных этим изображениям; остерегайтесь и еще раз остерегайтесь отпереть ворота!»

А был тот город в Андалусии, и завоевал его Тарик ибн Зияд в том же году, в халифство аль-Валида ибн Абд-аль-Мелика из сынов Омейи, и убил он того царя наилучшим убийством, и разграбил его страну, и взял в плен женщин и юношей, и захватил все богатства. А нашел он там великие сокровища: больше ста семидесяти венцов из жемчуга, яхонта и дорогих камней, и увидел там дворец, где всадники могли бы биться копьями, и обнаружил столько сосудов из золота и серебра, что их не охватить описанием. И там оказался тот столик, что принадлежал пророку Аллаха Сулейману, сыну Дауда, — мир с ними обоими! — и был этот столик, как говорят, из зеленого изумруда, и он до сих пор хранится в городе Рима, и кубки на нем из золота, а блюда из агата. И нашел он там псалмы, написанные греческими письменами на золотой бумаге, украшенной драгоценными камнями. И нашел книгу, где говорилось о полезных свойствах камней и растений, о достоинствах городов и селений, и талисманах, и науке о химических составах из золота и серебра, и обнаружил другую книгу, где рассказывалось об искусстве выделки яхонтов и драгоценных камней и составлении ядов и противоядий и где было изображение земли, морей, и стран, и рудников. И оказалась во дворце большая комната, где хранилось много эликсира, драхма которого может превратить тысячу драхм серебра в чистое золото. И нашел он там зеркало, большое, круглое и дивное, сделанное из разных составов для пророка Аллаха Сулеймана, сына Дауда, — мир с ними обоими! И когда посмотрит в него смотрящий, он увидит воочию все семь климатов. И нашел он в этом дворце помещение, где было столько карбункулов, что не охватить их счетом.

И согнали верблюдов, и Тарик свез это все к аль-Валиду ибн Абд-аль-Мелику, и арабы рассеялись по городам этой земли, а это одна из величайших стран. И вот конец рассказа о Лабтайте.

РАССКАЗ О ХАЛИФЕ ХИШАМЕ И ЮНОШЕ

асказывают также, что Хишам, сын Абд-аль-Мелика ибн Мервана, как-то был на охоте и вдруг увидел газеленка. И он погнался за ним с собаками и, преследуя газеленка, увидел юношу из арабов-кочевников, который пас овец. «О юноша, перед тобой этот газеленок, он убежал от меня», — сказал Хишам, и юноша повернул к нему голову и молвил: «О значения лучших не знающий, ты посмотрел на меня глазом умаляющим и заговорил со мною речью унижающей! Речью притесняющего твоя речь была, а поступки твои — поступки осла». — «Горе тебе, разве ты меня не знаешь?» — воскликнул Хишам. И юноша ответил: «Тебя я узнал, ибо невежей ты себя показал, сказав мне все это прежде привета!» — «Горе тебе — я Хишам ибн Абд-аль-Мелик!» — воскликнул Хишам. И кочевник ответил: «Аллах не приблизь твой родной край и твоей могиле жизни не дай! Как много ты сказал и как мало уважения показал!»

И не закончил халиф своих слов, как воины окружили его со всех сторон и все вместе сказали: «Мир тебе, о повелитель правоверных!» — «Сократите свои речи и стерегите этого юношу!» — сказал Хишам. И юношу схватили. Увидев так много царедворцев, везирей и вельмож царства, он не обратил на них внимания и не спросил про них, но опустил подбородок на грудь и смотрел туда, куда ступала

его нога, пока не подошел к Хишаму. И он остановился перед ним, и опустил голову к земле, и молчал, не приветствуя и воздерживаясь от слов. И один из слуг сказал ему: «О собака среди арабов, что мешаешь тебе пожелать мира повелителю правоверных?»

И юноша обернулся к слуге, гневный, и воскликнул: «О седло для осла, этому препятствует длина пути, и я вспотел, когда пришлось по ступенькам вверх идти!» И Хишам вскричал (а гнев его увеличился): «О юноша, ты явился в день, когда пришла твоя пора и одежда от тебя ушла, и жизнь твоя истекла!» — «Клянусь Аллахом, о Хишам, — воскликнул юноша, — если время мое суждено сократить, то срок уже нельзя продлить, и ни малым, ни многим не могут твои речи мне повредить!» — «Или ты достиг такой степени, о сквернейший из арабов, что ты отвечаешь повелителю правоверных на каждое слово словом?» — воскликнул царедворец, и юноша поспешно ответил: «Да поразит тебя наважденье и да не оставит мученье и заблужденье! Или не слышал ты, что сказал Аллах великий: «В тот день, когда придет всякая душа, оспаривая, чтобы защитить себя?» И тут Хишам поднялся, сильно разгневанный, и воскликнул: «Эй, палач, ко мне с головой этого юноши! Он много говорит о том, чего никто не вообразит!»

И палач взял юношу, и привел его на ковер крови, и обнажил меч над его головой, и сказал: «О повелитель правоверных, это твой раб, сам собою кичащийся и к могиле своей стремящийся. Отрублю ли я ему голову, не ответственный за его кровь?» — «Да», — сказал Хишам. И палач спросил у него позволения второй раз, и Хишам ему позволил. И палач спросил позволения в третий раз, и юноша понял, что, если Хишам на этот раз позволит ему, палач его убьет. И он засмеялся, так что стали видны его клыки, и Хишам разгневался еще больше и воскликнул: «О юноша, я думаю, ты помешанный! Не видишь ты разве, что расстаешься с земной жизнью? Как же ты смеешься, издеваясь над собой?»

«О повелитель правоверных, — ответил юноша, — если жизни моей суждено продлиться, то ни малое, ни многое не может мне повредить! Но мне пришли на память стихи — выслушай их, — убить меня ты успеешь». — «Попадавай и будь краток!» — воскликнул Хишам.

И юноша произнес такие стихи:

«Говорили мне, что однажды сокол вцепился вдруг
В воробья в пустыне, что пригнан был судьбою,

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

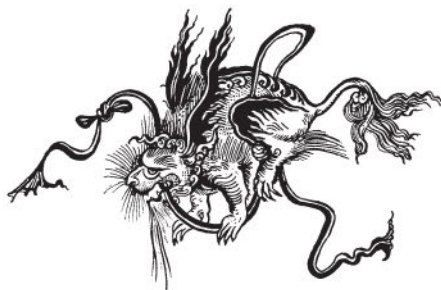
И промолвил тут воробей в когтях того сокола
(А он, в него вцепившись, уносился):

«Тебе подобный сыт не будет от меня,
А коль съешь меня, то поистине ведь мал я».

Улыбнулся сокол, в самом себе уверенный,
Из кичливости, и спаслась тогда пичужка».

И Хишам улыбнулся и воскликнул: «Клянусь моим родством с посланником Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — если бы он произнес эти слова в первую же минуту и потребовал чего-нибудь, что меньше халифата, я бы, право, дал это ему! Эй, слуга, набей ему рот драгоценностями и дай ему хорошую награду!»

И слуга дал кочевнику великолепный подарок, и кочевник ушел своей дорогой.

РАССКАЗ ОБ ИБРАХИМЕ ИБН АЛЬ-МАХДИ

числу хороших рассказов относится и такой: Ибрахим ибн аль-Махди, брат Харуна ар-Рашида, когда власть в халифате перешла к аль-Мамуну, сыну Харуна ар-Рашида, не присягнул ему, но отправился в ар-Рей и объявил халифом самого себя. И он провёл так один год и одиннадцать месяцев и двенадцать дней, и сын его брата, аль-Мамун, ожидал, что он вернется к повиновению и присоединится к другим на пути общины, пока не отчаялся в его возвращении. И тогда аль-Мамун выехал с конными и пешими и вступил в ар-Рей, ища Ибрахима. И когда дошла до Ибрахима весть об этом, ему оставалось только прийти в Багдад и спрятаться, боясь за свою кровь. И аль-Мамун назначил тому, кто укажет, где Ибрахим, сто тысяч динаров.

«И когда я услышал об этой награде, — говорил Ибрахим, — я испугался за себя...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибрахим говорил: «И когда я услышал об этой награде, я испугался за себя и впал в замешательство. И я вышел из своего дома в полуденное время, изменив обли-

чье, и не знал, куда мне направиться, и вошел на улицу, не имевшую выхода, и воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Я подверг тебя гибели! Если я вернусь по своим следам, меня заподозрят, так как у меня вид переодетого». И я увидел в конце улицы черного раба, который стоял у ворот своего дома, и подошел к нему и спросил: «Есть у тебя место, где бы я мог укрыться на час?» — «Да», — ответил он и открыл ворота. И я вошел в чистый дом, где были циновки и подушки из кожи, а раб, приведя меня туда, запер за мною дверь и ушел. И я заподозрил, что он услышал о награде за меня, и подумал: «Он пошел, чтобы на меня указать!» И я стал кипеть, как вода в котле на огне, и раздумывал о своем деле, как вдруг вошел негр, а с ним носильщик, у которого было все, что нужно: хлеб, мясо, и новые котлы, и принадлежности к ним, и новая кружка, и новые кувшины. И раб снял ношу с носильщика и затем, обратившись ко мне, сказал: «Да будет моя душа за тебя выкупом! Я отворяю кровь, и я знаю, что ты не побрезгуешь мною из-за того, что я делаю для пропитания. Вот тебе эти вещи, на которые не упала ничья рука. Поступай, как тебе вздумается».

«А я нуждался в пище, — говорил Ибрахим, — и сварил себе еду, и не помню, чтобы я ел что-нибудь подобное этому. А когда я удовлетворил свое желание, негр сказал мне: «О господин, да сделает меня Аллах за тебя выкупом! Не хочешь ли вина, оно приятно душе и прогоняет заботу». — «Это мне не противно!» — ответил я, желая подружиться с кровопускателем. И негр принес новые стеклянные сосуды, которых не касалась рука, и надушенный кувшин и сказал: «Процеди себе сам, как ты любишь!»

И я процудил вино наилучшим образом, и негр принес мне новый кубок, и плоды, и цветы в новых глиняных сосудах, а затем он сказал: «Позволишь ли мне сесть в сторонке и выпить одному вина, радуясь тебе и за тебя?» — «Сделай так», — сказал я и выпил, и негр тоже выпил, и я почувствовал, что вино зашевелилось в нас. И кровопускатель сходил в чуланчик и вынес лютню, украшенную металлическими полосками, и сказал мне: «О господин, мой сан не таков, чтобы я просил тебя петь, но на твоём великом благородстве лежит долг передо мною, и если ты сочтешь возможным почтить твоего раба, то тебе присущи высокие решения».

И я спросил его, не думая, что он меня знает: «А откуда ты взял, что я хорошо пою?» И негр ответил: «Да будет слава Аллаху! Этим наш владыка слишком известен! Ты мой господин Ибрахим ибн аль-Махди, наш вчерашний халиф, за которого аль-Мамун назначил сто тысяч динаров, но от меня ты в безопасности».

«И когда негр сказал это, — говорил Ибрахим, — он сделался велик в моих глазах, и я утвердился в предположении о его благородстве и согласился удовлетворить его желание.

И, взяв лютню, я настроил ее и стал петь, и мне пришла на ум мысль о разлуке с моим сыном и семьей, и я заговорил:

«И надеюсь я, что кто Юсуфу его близких дал
И в тюрьме его, где он пленным был, возвысил,

Ответит нам, и снова вместе нас всех сведет
Аллах, господь миров, могуч и властен».

И негром овладел чрезвычайный восторг, и жизнь показалась ему очень приятной (а говорят, что, когда соседи Ибрахима слышали, как он говорит: «Эй, мальчик, седлай мула!», их охватывал восторг). И когда душе негра стало приятно и его охватило веселье, он воскликнул: «О господин, разрешишь ли ты мне высказать то, что пришло мне на ум, хотя я и не из людей этого ремесла?» И я отвечал ему: «Сделай так, это следствие твоего великого вежества и благородства».

И он взял лютню и запел:

«Любимым я сетовал на то, как продлилась ночь;
Сказали они: «О, как для нас коротка та ночь!»

И все потому, что сон глаза покрывает им
Так скоро, а нам очей всю ночь не закроет сон,

Когда наступает ночь — мученье для любящих, —
Нам грустно; им радостно, когда наступает ночь.

И если бы им пришлось терпеть, что стерпели мы,
На ложе, поистине им было бы так, как нам».

И я воскликнул: «Ты отличился совершенным отличием, мой сердечный друг, и прогнал от меня боль печали. Прибавь же еще таких безделок!»

И негр произнес такие стихи:

«Когда не грязнит упрек честь мужа, увидишь ты,
Что всякий прекрасен плащ, какой он наденет.

Она нас корит за то, что мало число таких,
Но я отвечаю ей: «Достойных не много!»

Неплохо, что мало нас, — сосед наш высок душой,
Тогда как у большинства соседи столь низки.

Мы люди, которым бой постыдным не кажется,
Когда биться вздумают Салуль или Амир.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ

Желание умереть к нам срок приближает наш,
Они же не любят смерть, и сроки их долги.

Мы можем словам людей не верить, коль захотим,
Но верят словам они, когда говорим мы».

«И, услышав от негра эти стихи, — говорил Ибрахим, — я удивился им до крайней степени, и великий восторг заставил меня склониться, и я заснул и проснулся только после вечерней молитвы. И я умыл лицо, и вернулись ко мне мысли о величии души этого кровопускателя и его хорошем умении себя вести, и я разбудил его и, взяв бывший со мною мешок, в котором были ценные динары, бросил его негру и сказал: «Поручаю тебя Аллаху — я уйду от тебя! Прошу тебя, бери из этого мешка и трать на то, что тебя заботит, и тебе будет от меня великий дар, когда я окажусь в безопасности от страха».

«Но негр отдал мне мешок обратно, — говорил Ибрахим, — и сказал: «О господин, бедняки из нашей среды не имеют у вас цены, но, следуя моему благородству, как могу я взять деньги за то, что время подарило мне твою близость и ты поселился у меня? И если ты будешь возражать этим словам и еще раз кинешь мне кошелек, я убью себя».

«И я спрятал мешок в рукав, — говорил Ибрахим, — (и тяжело было мне нести его)...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибрахим ибн аль-Махди говорил: «И я спрятал мешок в рукав (и тяжело было мне нести его) и ушел. А когда я дошел до ворот дома, негр сказал мне: «О господин, здесь тебе укрываться лучше, чем где-либо еще, и нет для меня тяготы содержать тебя; оставайся у меня, пока не поможет тебе Аллах!»

И я вернулся и сказал: «С условием, что ты будешь тратить из этого кошелька». И негр дал мне понять, что он согласен на это условие, и я провел у него несколько дней, ведя самую сладостную жизнь, и он ничего не брал из этого мешка. И я счел зазорным оставаться у него на содержании и постыдился утруждать его и оставил его и ушел, перерядившись в наряд женщины — башмаки и покрывало, — и вышел из его дома. Но когда я оказался на дороге, меня

охватил страх, и очень сильный, и я пошел, чтобы перейти мост, и оказался у одного места, обрызганного водой.

И вдруг увидел меня военный из тех, что прислуживал мне, и узнал меня и крикнул: «Вот то, что нужно аль-Мамуну!» И уцепился за меня, и ради сладости жизни я толкнул его и опрокинул вместе с конем на этом скользком месте, и стал он назиданием для поучающихся, и люди поспешили к нему. А я постарался идти скорее и, перейдя мост, вошел в какую-то улицу. И я увидел у одного дома открытые ворота и в них женщину. И я сказал ей: «О госпожа, пожалей меня и спаси мою кровь от проклятия — я человек боящийся». А она отвечала: «Простор тебе и уют, входи!», и привела меня в горницу, и постлала мне и подала мне кушанье. «Пусть твой страх успокоится, ни одна тварь не узнает о тебе», — сказала она. И пока это было так, в ворота вдруг постучали сильным стуком. И женщина вышла и открыла ворота, и вдруг входит мой соперник, которого я толкнул на мосту, и голова у него завязана, и кровь бежит по его платью, а коня с ним нет. «Эй, ты, что тебя постигло?» — спросила женщина. И военный сказал: «Я схватил того юношу, но он ускользнул от меня».

И он рассказал ей, как было дело, и женщина вынула лоскут и, разорвав его на куски, перевязала военному голову, а потом она постлала ему, и он лег, больной. А она поднялась ко мне и сказала: «Я думаю, ты тот, о ком говорил этот военный». — «Да», — ответил я ей. И она молвила: «С тобой не будет беды» — и вновь оказала мне уважение.

И я пробыл у нее три дня, а потом она сказала мне: «Я боюсь для тебя зла от этого человека: как бы он про тебя не узнал и не донес бы о том, чего ты боишься. Спасай твою душу». И я попросил у нее отсрочки до ночи, и она молвила: «В этом нет беды!»

А когда пришла ночь, я надел женскую одежду и ушел от нее. И я пришел к дому одной вольноотпущенницы, принадлежавшей нам. Увидав меня, она стала плакать и причитать и восхвалять Аллаха великого за мое спасение. И она вышла, как будто желая пойти на рынок, чтобы позаботиться об угощении, и я подумал доброе, но не успел я опомниться, как увидел, что идет Ибрахим Мосульский со своими слугами и военными и впереди них женщина.

Я взгляделся в нее, и вдруг оказалось, что это моя отпущенница, владелица дома, в котором я находился, и она шла впереди них и передала меня им. И я увидел смерть воочию, и меня доставили в том наряде, в котором я был, к аль-Мамуну, и он собрал собрание для

всех и велел ввести меня к нему. И, войдя, я приветствовал его как халифа, но он воскликнул: «Да не даст тебе Аллах мира и да не продлит твою жизнь!» — «Не торопись, о повелитель правоверных, — ответил я. — Владыке мести дана власть возмездия и прощения, но только прощение ближе к благочестию, и Аллах поставил твое прощение выше всякого прощения, как он поставил мой грех выше всякого греха. И если ты взыщешь, то по праву, а если простишь, то по милости».

И потом я произнес такие стихи:

«Мой грех пред тобой огромен,
Но ты его еще больше.

Возьмешь или нет, что должно?
Прости его, будь же кроток.

И если в своем я деле
Достойным не был, то будь им».

«И аль-Мамун поднял ко мне голову, — говорил Ибрахим, — и я поспешил сказать ему такие стихи:

«Свершил я грех превеликий,
Тебе же простить пристойно.

Простишь — это будет милость,
Накажешь — так справедливость».

И аль-Мамун опустил голову и произнес:

«И если мой друг захочет меня прогнать
И в ярости я своей подавлюсь слюною,

Его я прошу, и грех отпущу ему я,
Боясь, что потом без друга мне жить придется».

«И, услышав от него эти слова, — говорил Ибрахим, — я почувал благоухание милости по его чертам, и аль-Мамун обратился к своему сыну аль-Аббасу и брату своему Абу-Исхаку и ко всем своим приближенным и спросил их: «Что вы думаете об этом деле?» И все посоветовали ему убить меня и были только не согласны насчет способа моего убийства.

И аль-Мамун спросил Ахмеда ибн Халида: «Что ты скажешь, Ахмед?» И тот сказал: «О повелитель правоверных, если ты его убьешь, мы найдем подобных тебе, что убили подобных ему, а если простишь, мы не найдем подобных тебе, что простили такого, как он...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных аль-Мамун, услышав слова Ахмеда ибн Халида, опустил голову и произнес слова поэта:

«Мой народ убил моего Умейма брата,
И меня стрела, коль метну ее, ударит».

И еще он произнес такие слова поэта:

«Прости же друга, когда смешал
Ответ удачный с ошибкой он.

Храни ты милость свою к нему,
Благодарен он иль презрел ее.

Воздержись же от порицания,
Коль с пути сойдет иль собьется он.

Ты видишь — на одном ковре
С приятным скверное лежит,

И сладость века долгого
Слита с отравой седин,

И шип мы видим на ветвях
Среди собираемых плодов,

Кто совершенно не грешил
И у кого одно добро?

Сынов ты времени узнай —
Увидишь — пало большинство».

«Услышав от него эти стихи, — говорил Ибрахим ибн аль-Махди, — я снял с головы покрывало и воскликнул: «Аллах велик!» И прославил Аллаха великим прославлением. «Клянусь Аллахом, простил меня повелитель правоверных!» — сказал я. И халиф произнес: «С тобою не будет беды, о дядюшка». А я молвил: «Мой грех, о повелитель правоверных, слишком велик, чтобы после него я мог выговорить извинение, а твое прощение слишком велико для того, чтобы после него я мог произнести благодарности!»

И я затынул напев и произнес такие стихи:

«Поистине, ведь творец достоинств собрал их всех
В седьмом имаме из ребра Адамова,

И сердца людей пред тобою страха исполнены,
Обо всех из них печешься ты, душой смирен.

Я слушался (а веревками заблуждения
Я притянут был), только жадностью влекомый.

Ты простил того, кому равного извинить нельзя,
Хоть заступники за него просить и не шли к тебе,

И ты сжалился над детками-цыплятами
И горестью их матери, в чьем сердце грусть».

И сказал аль-Мамун: «Я скажу, подражая господину нашему Юсуфу, — да будет с пророком нашим и с ним молитвы и привет! Нет укора на вас в сей день, да простит вам Аллах, — он премилостивый из милостивцев! Я прощаю тебя и возвращаю твое имущество и поместья, о дядюшка, и нет беды».

И я вознес за него праведные молитвы и проговорил такие стихи:

«Имущество мне вернув, его ты не пожалел,
А прежде чем возратить его, ты мне кровь сберег.

И если бы отдал я в угоду тебе и кровь,
И деньги, хотя бы снять мне обувь пришлось с ноги,

То было бы долгом лишь, к тебе возвратившись,
Когда бы ты не дал в долг, тебя не корили бы.

И если б я не признал теперь твоих милостей,
Я был бы достойнее упреков, чем ты щедрот».

И аль-Мамун оказал Ибрахиму уважение и милость и сказал: «О дядюшка, Абу-Исхак и аль-Аббас советовали мне убить тебя». И я молвил: «Они тебе добрые советчики, о повелитель правоверных, но ты совершил то, чего был достоин, и прогнал то, чего я боялся, тем, на что я надеялся». — «О дядюшка, — молвил аль-Мамун, — ты умертвил мою злую жизнь твоего извинения, и я тебя прощаю и не заставлю тебя проглотить горечь попрека».

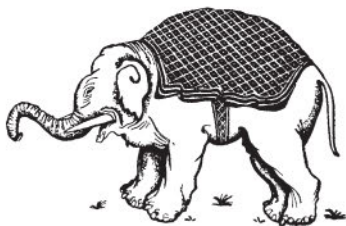
И аль-Мамун пал ниц и поднял голову и спросил: «О дядюшка, ты знаешь, почему я пал ниц?» — «Может быть, ты пал ниц, благодаря Аллаху за то, что он отдал тебя во власть твоего врага?» — ответил я. И аль-Мамун молвил: «Я хотел не этого — я благодарил Аллаху, который внушил мне простить тебя и быть к тебе милостивым. Расскажи же мне твою историю».

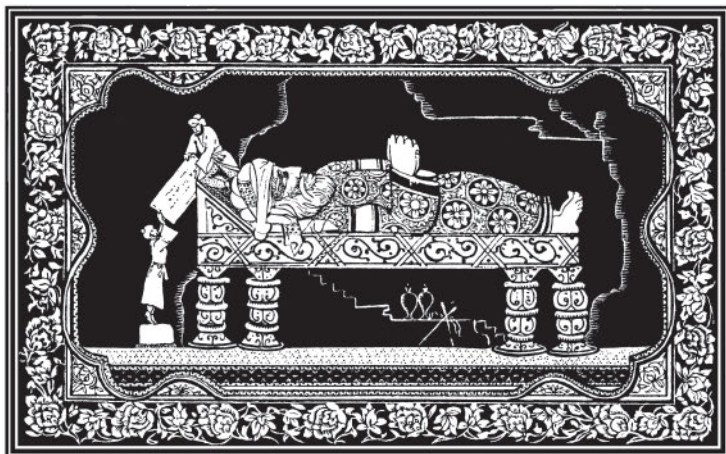
И я изъяснил ему мое дело и рассказал, что случилось у меня с кровопускателем, и военным, и его женой, и отпущенницей, указавшей на меня. И аль-Мамун велел привести отпущенницу (а она была дома, ожидая, что ей пришлют награду).

И когда она предстала перед халифом, тот спросил: «Что побудило тебя сделать такое с твоим господином?» — «Жадность», — отве-

чала она. И халиф спросил: «Есть у тебя ребенок или муж?» И она отвечала: «Нет!» И халиф велел сто раз ударить ее бичом и навеки заточить. А потом он велел привести военного с женой и кровопускателя. И они явились, а аль-Мамун спросил военного, почему он так поступил. «Жадность до денег», — отвечал он, и аль-Мамун молвил: «Тебе следует быть кровопускателем». И приказал поместить его в лавку кровопускателя, где он научился бы делать кровопускания. А жене военного он оказал уважение и велел отвести ее во дворец и сказал: «Это женщина умная, она пригодится для важных дел».

И потом он сказал кровопускателю: «Ты проявил такое благородство, что тебе следует оказать еще большее уважение». И велел отдать ему дом военного и то, что в нем было, и наградил его почетной одеждой и приказал выдавать ему, сверх того, пятнадцать тысяч динаров ежегодно».

РАССКАЗ ОБ АБД-АЛЛАХЕ, СЫНЕ АБУ-КИЛЯБЫ

ассказывают, что Абд-Аллах ибн Абу-Киляба выехал искать своих верблюдов, которые убежали. И вот он ехал по пустыням земель йеменских и по землям Саба и оказался перед большим городом, вокруг которого было укрепление, а вокруг укрепления — дворцы, возвышавшиеся к небу. И, приблизившись к этому городу, Абд-Аллах подумал, что там есть обитатели, которых он спросит про своих верблюдов, и направился туда. Но, достигнув города, он увидел, что город пустынен и нет в нем ни человека.

«И я сошел со своей верблюдицы», — говорил Абд-Аллах...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах ибн Абу-Киляба говорил: «И я сошел со своей верблюдицы, и связал ей ноги, и, ободлив свою душу, вступил в город и приблизился к крепости. И я увидел в крепости двое больших ворот, равных которым по величине и высоте не видано на свете. И были они украшены разными драгоценными камнями и яхонтами — белыми, красными и зелеными.

И, увидев это, я удивился до крайней степени, и показалось мне все здесь великим. И я вошел в крепость, испуганный и ошеломленный, и увидел, что эта крепость длинная, вытянутая и обширная, как город. И там находятся высокие дворцы, и в каждом дворце есть покои, и все они выстроены из золота и серебра и украшены яхонтами, разноцветными камнями, топазами и жемчугом. И створы ворот в этих дворцах подобны по красоте створам ворот крепости. А земля там усыпана большими жемчужинами и шариками мускуса, амбры и шафрана. И когда я проник внутрь города и не увидел там никого из сыновей Адама, я едва не лишился чувств и не умер от страха. И я посмотрел с самых высоких горниц и дворцов и увидал, что под ними текут реки, а на площадях города плодоносные деревья и высокие пальмы и в строениях его один кирпич золотой, другой серебряный. И я сказал тогда себе: «Нет сомнения, это и есть рай, обещанный в будущей жизни!»

И я стал собирать из песка жемчуга и мускус, и набрал их столько, сколько мог снести, и воротился в свою страну и осведомил об этом людей.

И дошел этот слух до Муавии ибн Абу-Суфьяна, а он был в те дни халифом в аль-Хиджазе. И халиф написал своему наместнику в Сана йеменский, чтобы тот призвал к себе того человека и расспросил бы его об истине в этом деле. И наместник Муавии призвал меня и осведомился обо мне и спросил, что со мной произошло. И я рассказал ему о том, что видел, и наместник послал меня к Муавии. И я ему тоже рассказал о том, что видел, но Муавии усомнился в моем рассказе. И тогда я показал ему жемчужины и шарики амбры, мускуса и шафрана. А они еще сохраняли немного приятный запах, но только жемчуг пожелтел и цвет его изменился...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах ибн Абу-Кияба говорил: «Но только жемчуг пожелтел и цвет его изменился». И удивился Муавия ибн Абу-Суфьян, увидав у меня жемчуг и шарики мускуса и амбры, и послал к Кабу-аль-Ахбару, и призвал его и сказал: «О Каб-аль-Ахбар, я позвал тебя для того, чтобы удостовериться в деле, которое я хочу проверить, и я надеюсь от тебя получить верные сведения». — «Слушаю, о повелитель правозверных!» — отвечал Каб-аль-Ахбар.

Т 93 **Тысяча и одна ночь.** Книга вторая : Ночи 271–719 / пер. с араб. М. Салье. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 1200 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-17584-6

Редкая книга может сравниться по красоте и увлекательности со сказками «Тысячи и одной ночи», чей замысловатый текст напоминает хитроумные узоры персидских ковров. Трогательные повести о романтических влюбленных, увлекательные рассказы о героических путешествиях, забавные повествования о хитростях коварных жен и мести обманутых мужей, сказки о джиннах, коврах-самолетах, волшебных светильниках — эти удивительные, захватывающие, таинственные, зачастую лишенные налета скромности произведения воплощают всю прелесть и красоту средневекового Востока!

Перевод на русский язык сказок «Тысячи и одной ночи», выполненный Михаилом Салье и передающий все своеобразие и колорит оригинала, давно считается классическим. Однако полного издания этого выдающегося труда до сих пор не было. Пришло время исправить это досадное упущение! Предлагаем читателям собрание сказок, выверенное по классическому восьмитомнику 1929–1939 годов, а также другим редким публикациям, с восстановлением всех цензурных сокращений. Издание сопровождается иллюстрациями замечательного петербургского художника Николая Алексеевича Ушина, за которые он получил Золотую медаль на Всемирной выставке 1937 года, проходившей в Париже.

Во вторую книгу вошли сказки, рассказанные Шахразадой в 271–719 ночи.

УДК 821.22

ББК 84(5Ирп)-44

Литературно-художественное издание

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

КНИГА ВТОРАЯ

Ночи 271–719

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Татьяна Павлова
Обработка иллюстраций Александра Лютикова, Владислава Шикина
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Светлана Федорова

Подписано в печать 27.02.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 75. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ILN-26129-01-R